

Материальные отношения между священником и паствой как причина развития неоунийного движения на Волыни

Олександр Федчук

Волынская духовная семинария, Украина
ORCID 0000-0002-8494-9066
ol_fedchuk@ukr.net

rev. Fedchuk O., *Material relations between the priest and the laity as a reason for the development of the neo-union movement in Volyn*, Elpis, 24 2022: 35-40.

ks. Fedchuk O., *Materialne stosunki między duchownym a wiernymi jako powód rozwoju neounijnego ruchu na Wołyniu*, Elpis, 24 2022: 35-40.

Abstract: The article deals with one of the main directions of neo-union propaganda aimed at separating the Volyn population from the ancestral Orthodox faith and their adoption of the so-called Catholicism of the Eastern rite. This refers to the attempts of the Uniates to convince the faithful of the material benefit of accepting a new jurisdiction, consisting in free occasional services, which Orthodox priests could not do, and obtaining church land at their disposal. It was with such proposals that the Uniate priests visited the parishes of Volyn and worried the local population. The research suggests how successful such actions of apostates were, as well as the reaction of Orthodox pastors to them.

Streszczenie: Artykuł wskazuje na jeden z głównych kierunków neounijnej propagandy, zmierzającej do oddzielenia ludności wołyńskiej od rdzennej wiary prawosławnej i przyjęcia tzw. katolicyzmu obrządku wschodniego. Chodzi o próby przekonywania wiernych przez unitów o materialnych korzyściach przyjęcia nowej jurysdykcji, polegającej na bezpłatnych nabożeństwach, jakich nie mogli odprawiać księża prawosławni, oraz otrzymaniu do ich dyspozycji ziemi kościelnej. Właśnie z takimi propozycjami księża unicy jeździli do parafii wołyńskich i niepokoiли miejscową ludność. Badanie pokazuje, jak skuteczne były takie działania odstępców, a także reakcję na nie duchownych prawosławnych.

Аннотация: В статье отслежено одно из главных направлений неоунийной пропаганды, направленных на отрыв воłyнского населения от праотцовой православной веры и принятие им так называемого католичества восточного обряда. Имеются в виду попытки униатов убедить верующих в материальной выгоде принятия новой юрисдикции, заключающейся в бесплатных требах, совершать каковые не могли православные священники, и получении в свое распоряжение церковной земли. Именно с такими предложениями униатские ксендзы ездили приходами Волыни и волновали местное население. В исследовании показано, насколько успешными были подобные действия отступников, а также обозначена реакция на них православных пастырей.

Keywords: neo-union, Evseviy Slezko, Alexey Pelipenko, payment for occasional services, church land

Słowa kluczowe: neounia, Yevsevy Slezko, Aleksey Pelipenko, opłata za nabożeństwa, grunty kościelne

Ключевые слова: неоуния, Евсевий Слезко, Алексей Пелипенко, плата за требы, церковная земля

В 1924 году в Польше возникла так называемая Католическая церковь византийско-славянского (восточного) обряда, которую стали называть неоунийной. Следующей весной неоуния, пусть и довольно вяло, начала распространяться на Волыни. Казалось бы, у местных жителей не было никаких причин менять прародительскую православную веру на католичество восточного обряда, однако на некоторых приходах все же нашлись желающие так поступить. При этом нам неизвестны случаи существования в том или ином селе идейного движения за неоунию, которая возникала только вследствие материальных расчетов или недостойного своего высокого сана священника, или кучки крестьян, входивших в категорию малосознательных прихожан и больше заботившихся о земных благах, чем

о вечных. В данном исследовании мы попытаемся изучить материальную составляющую возникновения неоуниатских ячеек на Волыни.

Первым в Волынском воеводстве в апреле 1925 года возник неоуниатский приход в селе Озеро Луцкого уезда, где Православие предал священник Евсевий Слезко. Проповедь униата не имела успеха среди крестьян, и он, продолжая убеждать их в том, что остался православным и только изменил административное подчинение, решил поощрить бывших прихожан иным образом – предлагая им выполнять требы за бесценок, а то даже и бесплатно. Для самого Слезка это не было обременительным, ведь от бискупской курии он начал получать щедрое жалование, которое значительно превышало его содержание как настоятеля православного прихода.

Для того чтобы нивелировать в глазах небогатых крестьян такое очевидное преимущество униата, в конце 1925 года Волынская духовная консистория, среди прочего, предложила «пастырям приходов, близких к с. Озеро, всячески уживаться со своими прихожанами, брать за требы минимальную плату, чтобы не вызвать недовольство к себе в данное тяжелое время для православия» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 39. Л. 73). Но даже и до этого распоряжения православные священники, которые присылались в Озеро после Слезка, были вынуждены отказаться от вознаграждений за требы, что ставило их в крайне затруднительное материальное положение, исправить которое не выдавалось возможным. Отец Гавриил Коробчук в июле 1925 года в рапорте к Варшавско-Волынскому митрополиту Дионисию писал, что за два месяца получил от прихода только 49 злотых прибыли. Из-за отсутствия квартиры, тоже захваченной Слезком, он был вынужден жить без семьи, что накладывало дополнительные расходы на столование и поездки к семье. При таких обстоятельствах, утверждал отец Гавриил, в Озере не мог задержаться ни один семейный священник. Поэтому Коробчук просил: «Поскольку у меня нет никакого имущества, которое давало бы мне возможность жить с семьей независимо от доходов от прихода, при желании оправдать доверие Вашего Высокопреосвященства, выразившееся в поручении мне настолько ответственного прихода, я вынужден обратиться к Вашему Высокопреосвященству с покорной просьбой освободить меня от командирования в село Озеро, если в распоряжении Вашего Высокопреосвященства нет средств улучшить условия жизни священника в Озере» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 39. Л. 25–26).

Конечно, указанные православным священником 49 злотых за два месяца, которые он смог заработать от свершения в Озере богослужений и треб, – мизерные деньги по сравнению с тем, сколько получал униатский священник. Например, об униате Василии Гроше, который «душпаствировал» в селах Дубечно и Краска Ковельского уезда, утверждали, что он «имея церковную землю, роскошный церковный дом, ежемесячно получает 800 злотых платы, кроме расходов миссионерских» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 391). Предполагаем, что слухи о прибылях Гроша могли немного превышать реальность, ведь один из православных благочинных в своем обращении к народу утверждал, что жалование униатов составляет 400–600 злотых (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 44. Л. 2), а униатский дьяк Бинецкий хвастался, что получает 375 злотых (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 556. Л. 12). Хотя вполне возможно, что плата униатов зависела от успехов их деятельности, которых у Гроша было гораздо больше за Бинецкого. В любом случае православному священнику, который остался без доходов, подобная прибыль казалась недосягаемой. Исправить такую ситуацию в Озере пыталось Луцкое Крестовоздвиженское братство, которое несколько месяцев субсидировало здесь православного священника в сумме 75–100 злотых, но впоследствии отказалось от такой помощи (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д.

39. Л. 61). В дальнейшем в Волынской духовной консистории поняли, что без материального вознаграждения священникам отравленных унией сел с консисторских сумм не обойтись, хотя в целом церковный клир на Волыни не получал никакого вознаграждения от Митрополии или консистории. Однако такие выплаты были несопоставимы с теми суммами, которые получали униаты, и добиться их назначения клиру стоило усилий. Так, в мае 1927 года консистория постановила платить 50 злотых священнику Сергею Олейнику и 25 злотых диакону-псаломщику Михаилу Гороховскому, временно делегированным епархиальным центром в село Крутнев Кременецкого уезда, где священник Иустин Селецкий перешел в унию. При этом такое решение в консистории созрело только после того, как Гороховский письменно попросил войти в его бедственное положение и выдать необходимую сумму на питание. Через два месяца, правда, консистория постановила вдвое увеличить содержание православного причта в Крутневе (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 52. Л. 62–63, 169). Такую же сумму консистория выплачивала клиру церкви села Дубечно Ковельского уезда, где также нельзя было надеяться на материальное вознаграждение от прихожан. С марта 1928 года священнику и псаломщику здесь выделялось еще и по 30 злотых на наем в селе жилья. В начале 1929 года, по просьбе священника Дубечна Петра Тарановского, консистория выхлопотала у митрополита Дионисия увеличение платы настоятелю еще на 50 злотых и псаломщику на 25 злотых. А вот когда в октябре 1929 года следующий настоятель прихода в Дубечно отец Стефан Игнатович попробовал еще раз добиться повышения зарплаты, объясняя, что за получаемые от консистории 150 злотых прожить невозможно, потому что почти все эти деньги приходится отдавать на поездки по делам прихода, а за требы если и дают, то очень мало, а большинство треб вообще бесплатные, в консистории его претензии признали необоснованными. В докладе митрополиту Дионисию по этому поводу члены консистории писали: «Консистория неоднократно останавливалась на этом вопросе, причем обращено внимание, что причты всех зараженных унией приходов всегда проявляют исключительную настойчивость улучшать свое материальное положение под предлогом борьбы с унией, а это в свою очередь вызывает справедливое опасение консистории в том смысле, что такие приходы могут стать средством довольной жизни... Настоятель прихода Дубечно чрезмерно сгустил краски, считая, что касса консистории это какой-то неисчерпаемый запас денег. Консистория берет на себя смелость утверждать, что причт прихода Дубечно вполне достаточно обеспечен материально и что претензии его настоятеля безосновательны» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 190).

Таким образом, даже в случае материальной помощи от духовной консистории, размер жалования православных священников был недостаточным и совсем не отвечал прибылям униатов. Между тем как и в Озере, клир всех приходов, где развивалась униа, не

мог надеяться на заработки от треб. Священник села Дубечно Петр Тарановский писал в консисторию: «Большинство треб приходится выполнять почти даром за очень скромное вознаграждение, чтобы не давать повода к обвинению православных священников в вымогательстве. Приходится брать за требы меньше, чем берет Грош, чтобы получить у прихожан популярность. Для блага Св. Православной Церкви приходится уступать своим благополучием... Я никогда не называю цифры сам, а предоставляю платить по своему усмотрению. Этот последний способ оказался действенным самых красноречивых проповедей и дал мне популярность у прихожан. Но такой жизни долго вынести не под силу одному человеку» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 18). Отец Михаил Евчук с Крутнева также жаловался: «Лично мое положение в Крутневе самое безрадостное... Надеяться на доходы за требы в Крутневе мне не приходится, потому что их нет, и ожидать нельзя, поскольку приходится быть снисходительным при выполнении треб – требы абсолютно бесплатные, тем более, что Селецкий обещает выполнять им требы бесплатно. Необходимо принять во внимание мое положение. Селецкий ежемесячно получает 180 злотых жалование, а теперь получил 900 злотых. Он, конечно, не заинтересован платой за требы и может заявлять свои услуги. Я же, оставаясь на нищенских условиях в Крутневе, должен все же приравниваться духу времени и также должен отказаться от платы за требы» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 52. Л. 170). Священник села Яблонное Костопольского уезда Иоанн Гловинский также был убежден, что единственным верным средством сдержать прихожан от униатского соблазна стало бы бесплатное совершение треб. Но он же отмечал, что православные священники не могут отказаться от этого из-за потребностей семьи и обучения детей, а получить необходимые средства, без жалования, можно только от прихожан (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 58.). Учитывая, что все священники, посланные в такие села, имели свою семью, которую были обязаны содержать, справедливыми следует признать слова делегированного в Дубечно отца Иоанна Губы о том, что каждого священника, которому приходится работать в таких условиях, надо считать мучеником (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 392.).

Конечно, вышеуказанной проблемы не существовало бы, если бы волынские крестьяне с большей ответственностью относились к своим обязанностям по содержанию приходского причта, однако униаты сполна пользовались их бедностью и невежеством. Один из священников, в приходе которого униатский ксендз также начал делать свою черную работу, признавал, что бесплатные требы всегда будут для его прихожан большим искушением (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 58.). А другой пастырь довольно колоритно, но справедливо утверждал: «Очень важное и возможно одно из главных то обстоятельство, что Дубечанский «дядюшка» независимо от пола и возраста, независимо от религиозного чувства и религиозной принадлежности, как

хитрый полишук, использует то положение, что можно не платить. Это используют оба вероисповедания, мол: «Что ... десять злотых за брак? ... Пойду к Грошу» ... и наоборот: «Пойду к православному ...»» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 392.).

Униатские ксендзы, которые, как правило, сами ранее были православными пастырями, хорошо знали настроения «хитрых полешуков», а потому нередко всю свою пропаганду строили именно вокруг вопроса платы за требы, называя православных священников «попами дерунами» и обещая совершать все бесплатно, если их примут за своего настоятеля. Так, например, постоянно делал один из самых известных предателей Православия Алексей Пелипенко, который сначала основал неоуниатский приход в селе Цегов Гороховского уезда, а затем начал ездить другими селами, называя себя «областным благочинным». Выполнять требы даром, если примут его священником, отступник обещал в селах Дубечно, Мерва, Корытница. В последнем из этих сел он также пообещал, вытребовав дерево из местного государственного леса, построить школу (ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 291. Л. 41, 54; Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 126.).

Следует отметить, что такая агитация униатов имела успех далеко не везде, тем более, что многие православные пастыри, которые уже знали, что такое неоуния, не допускали к худшему развитию, стремясь опередить события, пусть и с материальными потерями для себя. Так было в приписной к Яблунивскому приходу деревне Данчимости, где униатский священник в православных ризах появился в Великий пост 1928 года. Как и в других местах, он начал всем рассказывать, что уния только и отличается от Православия тем, что униатские ксендзы бесплатно совершают все требы. Поэтому униат убеждал православных обращаться к нему, обещая даром венчать и совершать другие требы, доказывая, что грех брать деньги за таинства. Узнав о такой агитации в приписной деревне, приходской священник Иоанн Гловинский начал проводить с народом постоянные беседы о сути унии, а также сообщил, что отныне будет здесь исповедовать бесплатно, а за требы довольствоваться добровольными пожертвованиями. Убеждение священника подействовали на прихожан и они перестали пускать ксендза в его последующие приезды, сразу же давая настоятелю знать обо всех шагах того в Данчимости (ГАТО. Ф. 148. Оп. 2. Д. 554. Л. 58.).

Но все же не везде здоровая аргументация православного духовенства приносила абсолютные результаты. В частности, до распада в 1939 году Польши остались действовать униатские приходы в соседних селах Дубечно и Краска, хотя завязывались они здесь так же, как и везде. Воспользовавшись нерасторопностью православного клира из села Лютка, униатский священник принял приглашение некоторых крестьян из Краски прибыть к ним на кладбище на проводы. После завершения заупокойных служб, когда прихожане предлагали забрать хлебные приношения, униат пре-

небрежительно ответил: «Что я, нищий? Мы ни с кого ничего не берем за выполнение треб, мы обеспечены хорошим жалованием, хлеб раздайте бедным ... Впрочем, можете продать хлеб и вырученные деньги дайте на дорогу вашему уполномоченному, который поедет со мной в Луцк и Варшаву ходатайствовать об образовании у вас униатской прихода». Местных прихожан ксендз убеждал, что униаты все совершают бесплатно, в отличие от православных священников, которые обдирают паству. Дальнейшие уговоры православного духовенства, в отличие от других мест, на местных крестьян не подействовали и они только отвечали: «Теперь вы уже нам не нужны» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 44. Л. 1–4). Со временем большинство крестьян удалось вернуть к истине, но часть все же осталась в унии.

Но кроме платы за требы униаты находили и другие аргументы, которыми пытались склонить волинских крестьян на свою сторону. В частности, речь идет о чрезвычайно распространенной среди неюниатских ксендзов практике венчания неразрешенных браков. Большинство из них не имеют прямого отношения к теме нашего исследования, а потому здесь оставим это без внимания, но при совершении некоторых из таких браков к униатам обращались именно из материальных расчетов. Речь идет о женщинах, которые после Первой мировой войны остались без мужчин и теперь стремились вступить в новый брак. Законные действия требовали от них материальных затрат, связанных с обращениями за разрешением на развод с пропавшим мужем в консисторию. Однако Евсевий Слезко венчал такие пары без предварительного развода, что, как утверждало православное духовенство, «неотразимо действовало на сельских женщин, которые нередко уже имели незаконных мужей» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 39. Л. 72).

Но если такие акции приносили сравнительно небольшие дивиденды, поскольку заинтересованность в них проявляли лишь отдельные лица в разных населенных пунктах, то самый, возможно, важный для крестьян земельный вопрос, который также активно использовали униаты, таил в себе гораздо большую опасность. Именно благодаря этой «приманке» Слезко едва не сколотил униатский приход в селе Комарово Луцкого уезда. Свою агитацию здесь он начал в феврале 1926 года, узнав, очевидно, что в приходе существуют недоразумения между настоятелем и прихожанами, которые с 1916 года пользовались церковной землей, возвращать которую священнику не желали. Играя на чувствах крестьян, совершенно несправедливо униат начал убеждать их, что местный священник Павел Гвоздикowski отобрал у них церковную землю, хотя должен был пользоваться только частью ее, а при нынешних условиях не может быть и речи о какой-то плате за совершение треб, потому что священника может устроить и земля: «Я слышу, что ваш поп отбирает у вас поля и сам их засеивает, а так не положено. Он должен взять себе часть, а не оскорблять бедный народ. Вот если бы я был у вас, я бы за требы ничего не брал,

все поля и сенокосы вернул вам, для меня достаточно было бы того, что вы сами дали бы мне, для меня достаточно было бы сена для пары коров и пары лошадей, а хлеб даст мне мой приход, даже с избытком, потому что мой приход от Буга до Днестра простирается, вот эти приходы и будут платить мне за требы, а не вы. Смотрите, какой бессовестный ваш поп, живут все в мире и согласии как мужчина и женщина, возьми и повенчай их, так нет, он их детей пишет в метрике незаконными». Народу очень нравились слова Слезка, но беспокоило понятие унии, однако тот объяснил, что уния заключается только в отказе от митрополита, архиереев и консисторий, а будут знать лишь одного высшего митрополита – римского папу. Также не будет никаких налогов, разводов и разрешений на браки не надо будет просить – вот и все, в чем заключается уния. Она, по словам Слезка, должна была вывести темный и глупый народ в свет от «рабских оков православия», так как нынешние священники только обманывают и обижают его, а в униатстве ничего не надо платить за требы. «Правительство придет на помощь и у вас будет своя церковь, не будет у вас этих хлопот по расторжению браков, не нужно будет вам ехать в РКУ, все у нас делается легко, быстро и свободно», – убеждал жителей Комарова униат.

«Тут никакие уговоры, никакие силы не могли убедить темного полишука, что Слезко не прав. Народ знал то, раз Слезко стоит за народ, он и прав. Раз он носит такую одежду и такой же крест, как все православные священники, то значит он православный, иначе правительство должно снять с него крест, чтобы не вводить в заблуждение народ», – отчитывался об этом местный священник (ГАТО. Ф. 148. Оп. 3. Д. 39. Л. 85–86, 134–139; Ф. 148. Оп. 1. Д. 291. Л. 74–75). Обещание раздать крестьянами землю определило успех агитации отступника: уполномоченные от прихода поехали в Луцк к воеводе с просьбой назначить им Слезка. Сельский староста, с которым общался благочинный, рассказывал, что народ здесь вообще склонен к неповиновению властям и очень доволен таким батюшкой: «Разводы сам дает, венчает несовершеннолетних, близких родных, без разрешения РКУ... Он носит волосы длинные, наперсный крест, ходит в рясе, крестит по-нашему, мало или совсем ничего не берет, раздает прихожанам землю» (ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 291. Л. 73.). Хотя благочинный и убеждал крестьян, что Слезко обманывает их, те не хотели ничего слушать, настолько, по его словам, «лакомой» была приманка в виде пользования церковной землей.

Такие волнения в Комарово продолжались около двух месяцев, пока стараниями православного духовенства, проводившего в селе значительную разъяснительную работу, очаг унии здесь не погас. Слезка в селе начали воспринимать как обманщика и пройдоху, что подтверждало и его неблагоприятное поведение. Точно так же через заработанный «авторитет» развратника и пьяницы не захотели люди иметь ничего общего и с бывшим священником Алексеем Пелипенком, который

в апреле 1926 года прибыл на Мерво-Кутринский приход Гороховского уезда, который ранее обслуживал. Надеясь, что крестьян удастся заманить в унию земель, он пообещал всем желающим арендаторам церковной земли без проблем продлить срок этой аренды, а также звал всех к себе на бесплатную исповедь. Однако наученные православным духовенством люди не захотели иметь с ним дело (GATO. F. 148. Op. 1. D. 291. L. 47).

Еще одним униатским ксендзом, который в своей пропаганде использовал земельный вопрос, стал бывший православный дьяк Василий Грош, который образовал униатские приходы в селах Дубечно и Краска Ковельского уезда. В 1927 году он подговорил крестьян, подпоив их, скосить траву на священническом сенокосе и забрать себе все скошенное. Осенью, когда православный пастырь по делам уехал из прихода, Грош предложил своим сторонникам засеять церковную землю. Это привело к судебным спорам, продолжавшимся несколько лет (GATO. F. 148. Op. 2. D. 554. L. 126–128.).

Летом 1928 года один из ксендзов начал расшатывать ситуацию в селе Краев Острожского уезда. Прибыв сюда в сопровождении представителя полиции, он собрал важных персон во главе с солтисом и заговорил об униии, обещая выполнять требы бесплатно, на собственные средства сделать капитальный ремонт священнических зданий и, главное, отобрать у чега Зикана купленные им четыре десятины церковной земли. Последнее больше всего волновало крестьян, поскольку предыдущий настоятель, который продал эту землю чеху, должен был использовать ее для ремонтных работ, а, взяв деньги, ничего так и не сделал. Униат учил крестьян, как забрать у православного священника ключи от церкви, после чего они должны на руках отнести ксендза в дом священника, а затем – в церковь. Узнав о такой агитации, настоятель местного прихода отец Федор Гайденок немедленно обратился в консисторию с просьбой одолжить на два года хотя бы 500 злотых для ремонта большого священнического дома, что лишило бы ксендза важного аргумента для перевода прихода в унию (GATO. F. 148. Op. 2. D. 556. L. 39–40).

Между прочим, освобождение крестьян от обязанности по ремонту церкви или плебанального жилья тоже иногда становилось важным аргументом для униатов. Например, в селе Крутнев Кременецкого уезда, где в унию перешел священник Иустин Селецкий, последний не только распространял провокационные слухи о парцелляции церковной земли в пользу бедных прихожан, которые будут находиться в униии, но и говорил всем, что получил от курии 2000 злотых на покрытие цинковой жестию церкви и церковного дома, а еще 200 злотых – на укладку пола в комнатах священнического жилья. Присланный сюда православный священник Михаил Евчук вынужден был признать, что крестьяне видели в этом родительскую заботу епископа и говорили: «Луцка консистория лучше заботится о нас, чем наша консистория в Кременце». Интересно,

что выделение курией униатам денег на ремонтные работы дало повод жителям Крутнева, которые все же не очень тяготели к униии, обращаться к благочинному со своеобразным шантажом. В частности, местный солтис якобы по поручению всех крестьян заявил, что если епархиальная власть не подарит крутневцам к Рождеству Христову новое приличное облачение, то население вновь примет унию, потому что курия отпустила Селецкому значительные средства на ремонт дома и другие религиозные потребности крутневских униатов (GATO. F. 148. Op. 3. D. 52. L. 173–174, 183).

Еще дальше Селецкого пошел ксендз Шушко, который в августе 1929 года прибыл в город Любомль, где занялся агитацией «для приобретения последователей народного костела». При этом он не только обещал людям различные выгоды (даровое свершения треб и пользование церковной землей), но и пообещал материальную помощь от римского папы и американских богачей – последователей народного костела. Ксендз утверждал, что лично знаком с папой и все устроится, как только он ему напишет. Присутствовавший при речи Шушка полицейский утверждал, что она носила большевистский и коммунистический характер. Второй раз полупьяный униат начал проповедовать на рыночной площади, выкрикивая, что всем нужно присоединиться к народному костелу, потому что это выгодно для всех. Оставляя Любомль, своих собутыльников Шушко поучал: «Делайте так, как я вас учил, а батюшку я сам выживу». Впрочем, местный священник говорил, что пропаганда Шушка не имела успеха в Любомле, где ему сочувствовали только двое православных и трое католиков (GATO. F. 148. Op. 3. D. 62. L. 3–6).

Приведенные примеры показывают, что в основе униатской пропаганды на Волини чаще всего были замешанные на обмане обещания материальной выгоды, ради которой крестьяне должны были бы изменить православной вере и присоединиться к неоунии. Приемами такой агитации были бесплатное свершения треб и обещания распределения между прихожанами церковной земли, что униатский священник мог себе позволить, получая большое жалование из курии. Православных священников это ставило в тупик, потому что они, не имея иных доходов, кроме приходской деятельности, оказывались в большом затруднении. Однако церковный клир вынужден был идти на жертвы, в чем ему оказывала помощь консистория. Рассмотренные приемы униатов имели только частичный и, преимущественно, краткосрочный успех. К концу 1920-х годов стало окончательно ясно, что одними только материальными благами ксендзы не смогут привлечь к неоунии православных жителей Волини, поскольку это не имело под собой твердой духовной почвы. Но понятно было и то, что расшатать ситуацию на приходе, используя лозунги материального характера, вполне возможно.

Перечень сокращений:

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Ternopol'skoj oblasti

Библиография

- Gosudarstvennyj arhiv Ternopol'skoj oblasti. F. 148. Op. 1. D. 291. 124 l.
- Gosudarstvennyjarhiv Ternopol'skoj oblasti. F. 148. Op. 2. D. 554. 461 l.
- Gosudarstvennyj arhiv Ternopol'skoj oblasti. F. 148. Op. 2. D. 556. 83 l.
- Gosudarstvennyjarhiv Ternopol'skoj oblasti. F. 148. Op. 3. D. 39. 195 l.
- Gosudarstvennyjarhiv Ternopol'skoj oblasti. F. 148. Op. 3. D. 44. 48 l.
- Gosudarstvennyj arhiv Ternopol'skoj oblasti. F. 148. Op. 3. D. 52. 226 l.
- Gosudarstvennyj arhiv Ternopol'skoj oblasti. F. 148. Op. 3. D. 62. 71.

Rozmiar artykułu: 0,7 arkusza wydawniczego

ΕΛΠΙΣ

CZASOPISMO TEOLOGICZNE
KATEDRY TEOLOGII PRAWOSŁAWNEJ
UNIwersYTETU W BIAŁYMSTOKU

ADRES REDAKCJI
ul. Ludwika Zamenhofa 15, 15-435 Białystok, Polska
tel. 85 745-77-80, e-mail: elpis@uwb.edu.pl
www.elpis.uwb.edu.pl